

Вернемся в октябрь 1965 года, в неприметный отель под названием Stadium View, названный так потому, что из его окон открывался вид на только что построенный стадион Shea Stadium, на котором выступала незадачливая команда New York Mets. Фанаты "Метс" в 1965 году вряд ли могли представить, что через несколько лет их любимые аутсайдеры станут чемпионами Мировой серии. Но это уже другая история. Эта история, предыстория этого давнего рассказа, - это Всемирная выставка 1964-1965 годов в Нью-Йорке, которая тогда находилась на завершающем этапе. Из-за близкого расположения к выставочному комплексу во Флашинг-Медоуз многие посетители ярмарки останавливались в Stadium View, в том числе и моя семья во время съезда учителей, мини-каникул для студентов по всей стране.

Тогда я был застенчивым, немного социально неуклюжим старшеклассником, и меня нельзя было назвать обходительным с дамами. Ассертивность, по крайней мере, когда дело касалось знакомства с женщинами, была не в моем лексиконе. Некоторые парни, более социально развитые среди моих сверстников, казалось, всегда знали, что и как сказать. Я таким не был. Когда возможность постучалась, я редко отвечал, но не потому, что не хотел, а потому, что у меня не было слов. В итоге я сам себя осуждал.

Одна такая возможность представилась мне в первый же вечер нашего пребывания там, когда я впервые увидел Дениз Монтгомери в кафе Stadium View. Моя семья - мама, папа и младшая сестра - сидели в одной кабинке, перекусывая после ужина, когда я заметил ее, сидящую на табурете у стойки с родителями. На музыкальном автомате играл "Концерт для влюбленных" группы Toys, большой хит Top 40 того времени. Конечно, ее имя было мне еще неизвестно, эта милая девушка с длинными, клубнично-светлыми волосами, одетая в носки до колен и клетчатую юбку.

Мама заметила, что я ее разглядываю. "Она милая, не так ли?" - сказала она с ноткой дразнилки в голосе.

Я быстро отвернулась от прилавка. "Она в порядке", - ответил я, изображая беспечность.

Мои родители обменялись знающими улыбками за яблочным пирогом а-ля мод. Затем папа сказал: "Поговори с ней, Брендан. Ты можешь быть приятно удивлен". Папа иногда давал мне советы, как расширить мои социальные горизонты.

"Конечно, папа, конечно", - ответил я, продолжая украдкой разглядывать эту милую, приятную на вид девушку, которая, как я подозревал, краем глаза заметила мой взгляд. Женщины знали, когда парни глазели на них - по крайней мере, я знал это из своего ограниченного опыта. Я не был флиртом, просто молодой человек изголодался по женскому общению, как эмоциональному, так и эротическому, и с нетерпением ждал возможности утолить этот голод.

Я видел, как она что-то шепнула своим родителям. Затем, к моему полному удивлению, она повернулась на своем табурете, скрестила свои красивые ноги и улыбнулась мне. Я улыбнулся в ответ, размышляя, каким должен быть мой следующий "ход". Моя сестра Эви, которой в то время было четырнадцать и которая уже встречалась (вроде как), сказала: "Скажи что-нибудь Брендану, ты ей явно нравишься".

Я сидел, застыв на месте, думая, что сказать, но все они звучали глупо и шаблонно. Пример: Ты живешь где-то здесь? Она продолжала смотреть на меня, повторяя слова песни:

"Как нежен дождь, что тихо падает на луг...".

Красивая песня, похоже, она наслаждалась ею так же, как и я. Не зная, что еще можно сделать, я присоединился, синхронизируя свои губы с ее губами:

"Птицы... высоко на деревьях, поют серенады облакам своими мелодиями...".

К концу песни я почувствовал себя более расслабленным. Тем не менее, я все еще не мог придумать, что сказать. Тогда она сказала: "Это музыка Баха, ты знаешь".

"Нет, я этого не знал", - сказал я. В то время я не увлекалась классической музыкой и едва узнала имя Иоганна Себастьяна Баха, не говоря уже о его музыке.

"Да, это прямо на этикетке пластинки", - сказала она. "У меня есть сорок пять".

"Вот так, Брендан, - сказала мама, - девочка твоего возраста увлекается Бахом вместо "Битлз"".

"О, они тоже замечательные", - сказала Дениз. "На самом деле, я видел их в августе прошлого года во время их американского турне".

"Вы местная?" спросил я, решив, что это круто.

"Сиэтл, штат Вашингтон", - ответила она. "Мы приехали на ярмарку. В нашем городе была отличная всемирная ярмарка в 62-м году, но она не сравнится с этой. А вы?"

"Мы тоже приехали на ярмарку", - сказала моя мама.

Ее отец, одетый в оранжевый свитер с V-образным вырезом и темные брюки, сказал: "Это первая поездка нашей дочери в Нью-Йорк". Он сделал паузу и усмехнулся. "Ну, технически это ее вторая. Моя жена была беременна ею, когда мы были здесь в последний раз".

Когда мой папа сказал, что мы из Балтимора, папа Дениз сказал, что восхищается Джонни Унитасом, будущим защитником нашей команды "Кольтс". "Самая захватывающая футбольная игра, которую я когда-либо видел", - сказал он, имея в виду игру чемпионата НФЛ 1958 года, когда "Кольтс" победили "Гигантов" во внезапном овертайме.

Кто-то в нескольких кабинках ниже бросил монетку в музыкальный автомат, чтобы послушать "Don't Just Stand There", хит Патти Дьюкс, который поднимался в поп-чарте. Песня была о том,

как девушка упрекает своего парня за холодность и необщительность. Я вряд ли мог отнестись к части про парня, но строчка "пожалуйста, не стой там, глядя в пол" заставила меня почувствовать себя немного неловко, потому что именно это я и делал, пока ее родители и мои продолжали болтать. Я упрекнул себя за то, что, как я чувствовал, это может быть еще одна упущенная возможность, ускользающая, как последние несколько тактов песни.

"Что ж, приятно было познакомиться, наслаждайтесь ярмаркой", - сказала мама Дениз, когда они стояли у нашего столика, прежде чем расплатиться с кассиром. Это был первый раз, когда я заметила голубые глаза Дениз. По дороге к выходу она оглянулась и улыбнулась, тепло и привлекательно. Я корил себя за то, что не преследовал ее, но рассудил так: девушка жила в Сиэтле, не совсем за углом; несмотря на комментарий Эви, небольшой флирт и короткая беседа не делают ее интересной. Кроме того, мои шансы увидеть ее снова были в лучшем случае невелики. А даже если и увижу, то встреча, как и в кафе, будет короткой и не будет выходить за рамки сердечности.

Оказалось, что это не так. Можно подумать, что среди тысяч людей, посещающих ярмарку и переходящих из павильона в павильон, шансы столкнуться с кем-то знакомым или хотя бы узнаваемым невелики. Вот почему, стоя в очереди на "Карусель прогресса" Уолта Диснея, я не мог поверить, когда услышал позади себя молодой женский голос: "Еще раз здравствуйте, как бы вас ни звали". Моя семья повернулась, чтобы увидеть Дениз и ее родителей. "По крайней мере, скажи мне свое имя", - сказала Дениз. Очевидно, она не слышала, как мои родители обращались ко мне по имени в кафе. Когда я заколебалась, она сказала: "Хорошо, я буду первой. Меня зовут Дениз. Вы уже знаете, что я из Сиэтла и что мне нравится музыка И.С. Баха".

"И "Битлз". Вы видели их в 64-м, в августе".

"Хорошая память. Итак, как тебя зовут?"

"Брендан".

"Брендан. Мило. В моей школе есть Брендан".

Я кивнул, не зная, что сказать дальше. В свете дня она выглядела еще красивее. Веснушки никогда не привлекали меня, но те несколько, что украшали ее щеки и нос, показались мне милыми, как и то, как она заплела волосы в две длинные косы, спускавшиеся ниже плеч. Ее голубые глаза, клубнично-светлые волосы и слегка красноватый цвет лица не были бы моим первым выбором для того, чтобы ввести в компьютер идеальный женский образ. Однако в ее случае сумма была больше, чем отдельные части. Она стояла на несколько дюймов ниже моих пяти футов восьми, и ее узкие белые джинсы подчеркивали ее фигуру, стройную с женственными акцентами в нужных местах. Ее тело было далеко от песочных часов, которые так часто вызывают мгновенное возбуждение. Неважно, важен был гештальт, полный комплект, включающий в себя чувственный и одновременно безупречный дикционный голос, как мог бы звучать голос Жаклин Кеннеди, если бы она стала учительницей английского языка. Она также, казалось, обладала заразительным энтузиазмом к жизни - неясно, что именно, за то короткое время, что я ее знала, но таково было мое впечатление. Я не

жаловалась.

Пока очередь продвигалась ко входу, наши родители болтали, а Эви забавлялась моей обычной замкнутостью. "Не могу сказать, что в моей школе есть Денис", - сказал я, не найдя ничего, что могло бы произвести на нее впечатление остроумного.

"Нет? Это достаточно распространенное имя", - сказала Дениз.

Я начинал чувствовать напряжение этого "разговора", висящего в воздухе между нами, тонкого и шаткого. Не то чтобы это имело значение, но имело, потому что я чувствовал, что здесь происходит что-то странное: я столкнулся с этой Дениз из Сиэтла, которую, по статистике, я больше никогда не должен был увидеть.

"Красивое имя", - наконец сказал я, а затем добавил: "И подходящее, потому что... вы очень красивая". Это было совершенно не в моем характере, и я покраснела, как только сказала это. Эви рассмеялась. Я подозревала, что Дениз сочтет это банальным.

"Спасибо", - сказала она, - "это очень мило". Она сделала паузу, чтобы протянуть руку и убрать прядь каштановых волос с моего лба. "Ты сама довольно симпатичная. Ладно, симпатичная. Как тебе это?"

Снова покраснев, я пожала плечами. "Этого вполне достаточно". Моя уверенность поднялась на несколько ступенек вверх.

Вскоре мы вошли в павильон (General Electric, а Дисней придумал и изготовил экспонат), и наши семьи разошлись. Вот ведь, подумал я, как только дело начинает продвигаться, мы расстаемся. В круглом зале вскоре стало темно, и началось представление: "Есть большое прекрасное завтра...". Как ни впечатляли меня эти невероятно реалистичные роботы на сцене, изображающие десятилетия "прогресса" в американском доме, мои мысли были заняты Денисом. Когда менее чем через полчаса шоу закончилось, я искал ее, когда мы вышли на улицу.

"Так, мы отправляемся на "Футураму", - сказал папа, имея в виду павильон "Дженерал Моторс" и видение будущего корпоративным гигантом.

"Он ищет Дениз", - хихикнула Эви, когда папа спросил, что я делаю, стоя у входа и наблюдая за выходящими людьми.

Папа вздохнул. "Возможно, она уже ушла, сынок. Мы были одними из последних". Когда последние из нашей группы, осматривавшей выставку, ушли, я пришел к выводу, что он был прав.

Видя мою задумчивость, мама сказала: "Ты можешь застать ее в отеле. Узнай у портье номер

ее комнаты".

Хорошая идея, за исключением того, что я все еще не знал ее фамилии. Бегло осмотревшись, я покачал головой и пошел дальше. Несколько минут спустя, проходя мимо павильона Форда, я увидел Дениз, идущую мне навстречу. "Вот ты где!" - сказала она, слегка запыхавшись. "Я искала тебя повсюду".

Ее родители выглядели раздраженными, если не сказать немного взволнованными. Ее рыжеволосая мама в желтом брючном костюме сказала моим родителям: "Наша дочь держит нас на поводке с тех пор, как мы вышли из павильона GE. "Давайте найдем Брендана, давайте найдем Брендана", - твердила она".

После того, как папа рассказал им, как я ждал ее у входа, родители предложили нам пойти самим, а потом встретиться с ними у Юнисферы (символ ярмарки "Мир через понимание") в назначенное время. Дав нам немного денег, они отправили нас в путь.

Я чувствовал себя более чем странно, передвигаясь по ярмарочной площади в незнакомом городе с девушкой, которую я знал меньше часа. Дениз поддержала мои мысли. "Мои родители, должно быть, действительно думают, что с тобой все в порядке", - сказала она. "Иначе они никогда бы не отпустили меня с незнакомым парнем, тем более из другого штата".

"Может быть, как и я, они начинают думать, что мы каким-то образом принадлежим друг другу. Я имею в виду, каковы шансы, что мы столкнемся здесь дважды?"

<http://erolate.com/book/2586/62377>